

ЛЮДМИЛА ВЕЧЁРКИНА

КРОШЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Книга в журнале

Оглавление

Михаил Ходанов. Алтари и лиры	8	Всё норовим достичь чего-то	25
КРОШЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ. СТИХИ — ДЕТЯМ		Брачное объявление	25
Василёк	10	Сизифов труд	26
Неудобно	10	Сегодня пасмурно и сыро	26
Полинка.	11	Случай в метро	26
Крапива.	11	Муза	27
Попугай Марчелло	11	Размышление о судьбе	27
Мой друг	12	Воронка	27
Мой маленький принц	12	Перед объявленным концом света	28
Зима.	12	Фаворитка	28
День рождения.	13	Счастье моё	28
Одуванчик	14	Подруге поэтессе	28
Солнечный зайчик	14	А лето не желало начинаться.	29
Волшебный светофор.	14	Под знаком Рыб	29
Зимние каникулы	15	Ужин.	29
Божья коровка	16	ЗАРИСОВКИ МИМОХОДОМ	
Яблонька	17	Откровение	30
Кенгуру Джонни.	17	Совет	30
Семечко.	18	Ракурс.	30
Жук	18	Вывод	30
Капель.	19	Наблюдение	30
Песенка	20	Весенняя догадка	30
Кактус	20	Вчерашняя кассирша	30
Лукошко радости	20	Поветрие	30
Подорожник	21	Конкуренция.	30
Бабочки	21	Предупреждение	30
Рыжий клоун.	21	Иногда	31
Испытание	21	Открытие.	31
Чапа	22	Уймись, поэт, ты слишком надоел	31
Мечта	22	Стихам не сиделось	
Голый землекоп	22	в тюрьме-коробке.	31
Страна Оз.	23	Из книги «В ЗЕМНЫХ ПРЕДЕЛАХ»	
Поющие цикады.	23	Верни мне, Господи, любовь...	32
В вельяминовском лесу	23	Гроза	32
РИФМЫ — С УЛЫБКОЙ:		Цыганка-осень.	32
ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ		Убывающее будущее	33
Басня о любви	24	Жасмин	33
После дня рождения	24	Весна	33
Осень	25	Что жизнь? Помянет да обманет	34

Вздыхать о прошлом бесполезно . . .	34
Две ноты	34
Слова	34
День	35
Ну, вот и мы, похоже, миновали . . .	35

Из книги «МЕЖДУ ТРИДЦАТЬЮ И СОРОКА»

Настроение.	36
Одиночество, стужа и ветер	36
Карминовый вечер	36
Новогоднее пророчество.	37
Вьюга	37
Когда стихают судороги буден	37
Жёлтая зола	38
Памяти моей бабушки	38
Взрыв пробуждающихся почек	38
Ель	38
Между тридцатью и сорока	39
И стану я воспоминаньем	39

ИЗ КНИГИ «ПОЛНОЛУНИЕ»

Музыка в душе.	40
Я знаю, как задобрить карандаш . . .	40
Подарок Зевса	40
Измотать обещают дороги.	41
Пушкин	41
Сказание об Аврааме	41
Бессонница.	42
Луна	42
Они	43
Сон	43

Если б знать...	43
Молитва	43

Из книги «УГОЛ ОТРАЖЕНИЯ»

В бокале тонком — красное вино . . .	44
Я кланяюсь тебе, моя работа	44
Старинный сад	45
Остановитесь, не бросайте камень. .	45
Мы, наконец, дожили до весны	45
Как ловят жемчуг в водной бездне . .	45
Тюльпан	46
О, сколько ж ночей-палачей	46
Не забыть и не забыться	46
Ещё раз о времени	47

Из книги «СОКРОВЕННОЕ»

(ранние стихотворения)

Вот и кончилась добрая сказка	48
У витрин	48
Новый год	48
Романс	49
Дождь	49
Юная осень.	49
В ожидании дочки	50
И снова осень чуть уставшим взглядом	50
Старый дом	50
Токи жизни.	51

Эдуард Побужанский. Росчерк судьбы и таланта Людмилы Вечёркиной . . . 51

Людмила Вечёркина родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Была главным редактором культурологического журнала «Марка». Стихи неоднократно печатались в «Литературной газете», в журналах: «Юность», «Кольцо А», «Мир женщины», «Люди и песни», «Марка» и др.; в альманахах «Ключ», «Образ». Автор шести книг: «В земных пределах», «Между тридцатью и сорока», «Полнолуние», «Угол отражения», «Сокровенное», «Ожёт от озаренья», трёх музыкальных альбомов: «Транссезонная виза», «Белая синица» и «Карминовый вечер». Лауреат российских и международных поэтических конкурсов, член Союза писателей Москвы.

КРОШЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ. СТИХИ — ДЕТЯМ

*Солнечный зайчик — удачи примета,
добрый посланник апрельского света.
Пустьится в пляс, отразится в стекле,
чай из стакана попьёт на столе*

Василёк

Вася, Вася, василёк,
неказистый стебелёк.
Загляни в его глаза,
в них — росинки как слеза.

Ярче неба чистый цвет,
у других такого нет.
Возвышаясь над травой,
зачарует синевой.

Благородный сорнячок
доброту плеснёт в зрачок,
и в пылу июльских дней
жизнь покажется ясней.

Лепестков его сапфир
красотой утешит мир,
сохраняя сотни лет
непорочный синий цвет.

Словно нежный мотылёк —
синеокий василёк...
Вновь с улыбкой на лице
вспоминаю об отце...

Неудобно

Я с утра не в настроенье,
опечаленный — всерьёз:
ни подарки, ни варенье —
не спасут меня от слёз.

Не могу я умываться:
слишком мокрая вода.
Неудобно одеваться,
настоящая беда.

Давит чёрствая рубашка,
свитер колется и жмёт,
металлическая пряжка
упирается в живот.

Майка липнет, словно пластырь,
Галстук душит как палач.
Новой куртки жёсткий панцирь
вызывает только плач.

Невдомёк сегодня маме,
ей ребёнка не понять,
что на празднике в пижаме —
невозможно выступать!

Зря учил стихотворенье,
лучше дома отсижусь.
Похвалу и одобренье
я, конечно, не дождусь.

Папа чёрным стал как уголь,
и обиженным навек...
Разве можно ставить в угол,
если плачет человек?

Полинка

Подушка — под ушко?
Под спинкой — перинка?
«Ты съела смешинку? —
спросила Полинка.

Вопросы — не шалость,
взросления сила.
Лишь к ночи усталость
девчонку свалила.

Под ушком — подушка,
под спинкой — перинка.
Упала игрушка,
уснула Полинка.

А завтра с утра
зазвенит колокольчик.
Спешит детвора
продолжать разговорчик.

Игра — путь добра.
Как планета — кварта...
А детство — пора
узнавания мира!

Крапива

— Что ж ты колешься, крапива?
Так кусаться — некрасиво!
Листьев горечь и огонь
обожгли мою ладонь.

Отругала я крапиву:
— Ты жестока и спесива.
Убирайся вон из сада,
обижать детей не надо!

Я её едва коснулась
и домой в слезах вернулась:

на запястьях — волдыри,
и с досадою внутри.

Мне потом твердила мама,
что крапива не упряма,
не ужасна, не опасна —
а полезна и прекрасна.

Людам всю себя дарила:
то лечила, то кормила.
Останавливала кровь
её дерзкая любовь.

Попугай Марчелло

Тихонько, не мигая,
смотрю на попугая.
Две лапки, словно спички,
у птички-невелички.

И хохолок задорный
шевелится проворно.
От солнечной Австралии —
в дар пёстрые регалии.

Как мало птахе надо:
горсть зёрнышек — награда,
да свежая водица,
и всем довольна птица.

Живёт себе в России,
не зная вольной сини,
не ведая простора,
щебечет без укора.

Вне правил — исключенье,
есть радость в заточенье,
счастливая истома...
И нет другого дома!

Мой друг

Фиолетовый слонёнок
приходил ко мне в ночи.
Добродушный, как ребёнок,
нёс на ленточке ключи.

Открывал тихонько двери
в синий сумрак под луной...
В это можно не поверить,
он решил дружить со мной!

Я за ним пошёл без страха:
не обманет, не сбежит!
Нам кивала черепаха,
та, что детство сторожит.

Собирали землянику,
хохотали до утра.
Всем от мала до велика
нужно чуточку добра.

Слон хвалил меня за смелость,
за весёлую мечту.
Как легко и звонко пелось
в этом сказочном саду.

Отплясав на кромке луга,
он смешно трубил на пне.
Повстречать такого друга
так давно хотелось мне!

Мой маленький принц

В далёкой-далёкой Австралии
скучает мой маленький принц,
попав в лабиринт Зазеркалия
как будто бы с книжных страниц.

Четвёртого ждёт дня рождения —
кудряв, белокур, синеглаз.

Забавны его рассуждения,
серьёзны задумки проказ.

Он грустно глядит на азалии,
гуляя в лимонном саду,
где хвалит страну Беспечалию
с утра весельчак какаду.

Томимый мечтою желанною,
отважный придумает план,
и, справившись с пылью чуланною,
на свет извлечёт чемодан.

Принц вещи забытые вытряхнет,
внутри влезет и крикнет: «На взлёт!»
Как вздрогнет,
как радостно выдохнет
его чемодан-самолёт.

Вслед мама помашет косыночкой,
с трудом подбирая слова:
— Куда отправляешься, сыночка?
— Меня вызывает Москва!

Зима

Снег на варежке лохматой
и — пушинкой — на носу.
Наберу его лопатой
и сестрёнке принесу.

Крылья пойманной снежинки
осторожно рассмотрю...
Льдинок — полные ботинки,
и свобода — к январю!

Упаду в сугроб хрустящий,
превращусь в снеговика.
Двор, нарядный и блестящий,
мир, неведомый пока.

Холодок морозной краски
ослепляет белизной.
Пусть хрустальные салазки:
Новый год пришлёт за мной!

Ветер гонит снег по крыше,
и как будто бы шуршат
у Зимы, волшебной мыши,
сотни беленьких мышат...

День рождения

Словно радуга с утра —
радость пробужденья!
Долгожданная пора:

— Здравствуй, День рождения!
Озорная прелесть встреч,
гомон поздравленья...
Торт, пригревший стайку свеч —
всем на удивленье!

Мама тёплые слова,
нежные объятия...
И кружится голова,
и сияет платье.

Даже солнышко плывёт
карамелькой яркой.
День сегодняшний даёт
право на подарки.

Пусть звенит весёлый смех
нотками участья...

День рождения для всех —
это праздник счастья!

Одуванчик

Завоюет майский луг
прыткий одуванчик.
Приоденет мир вокруг
в жёлтый сарафанчик.
Разольются в тишине
сочной краски брызги:
благодарностью весне,
прославленьем жизни!
К ночи хитрый сорнячок
желтизну скрывает,
Так зелёный кулачок
сон оберегает.
Дни мелькнут, и наш чудак,
позднею весною.
сменит солнечный колпак
пышной сединою.
Выживания талант —
мощный дар природы.
Улетит семян десант
продолженьем рода.
Как всегда, в заветный срок
прочь умчатся дети...
Не затем ли ветерок
есть на белом свете?
Пусть корней живучих след
истребляют люди...
Не погаснет яркий цвет
в добродушном чуде!

Солнечный зайчик

Утром весенним подолгу не спится:
лучик весёлый щекочет ресницы,
тёплыми искрами тает во мне...

Смайлик-фонарик —
на блёклой стене.

Нежною лапкою щёку погладит,
с грустью вчерашней
в мгновение сладит.
Радостный, юркий, игривый,
как мяч,
бойко по комнате прыгает вскачь.

Музыкой солнца обиды расплавит,
друг-маячок настроенье исправит.
С шарик пинг-понговый —
крошечный рост:
ушки блестящие, трепетный хвост.

Солнечный зайчик —
удачи примета,
добрый посланник
апрельского света.
Пустится в пляс, отразится в стекле,
чай из стакана допьёт на столе.

Волшебный светофор

Я мечтаю с давних пор
превратиться в светофор.
Каждый день менять цвета —
это чудо-красота.
Буду жёлтым целый день,
словно солнечный олень,
золотистый лепесток
или глянцевого желток.
Сотворю весёлый мир:
на траве устрою пир.
Праздник зелени неплох,
вот крыжовник и горох,
виноград. Люблю десерт!
И под яблоней — концерт.
А завтра — в красный цвет
перекрашу белый свет.

Станут ярче во сто крат
самолёт и самокат.

Самому менять цвета —
долгожданная мечта.
Всё могу теперь на спор —
как волшебный светофор!

Зимние каникулы

Пышный иней, глянец льда,
снега свежего слюда.
Подоспевший Новый год —
развлечений хоровод.

Зимние каникулы —
счастье детворы.

Шапками с помпонами
расцвели двory.

Заливались музыкой синие катки...
Зимние каникулы, как вы коротки.

Ёлок яркие огни,
восхитительные дни.
Хвои терпкий аромат,
карамель и шоколад.

Зимние каникулы —
счастье детворы.

Шапками с помпонами

расцвели двory.

Заливались музыкой синие катки...
Зимние каникулы, как вы коротки.

Цирк, подарки, чудеса,
в фейерверках — небеса.
Радость дружбы, звонкий смех,
щедрость праздника — для всех!

Зимние каникулы —
счастье детворы.

Шапками с помпонами
расцвели двory.
Заливались музыкой синие катки...
Зимние каникулы, как вы коротки!

Божья коровка

Бога милая уловка,
симпатичный пустячок,
называется коровка,
носит рыжий пиджачок.

В общем, смотрится неплохо
с чёрной россыпью гороха.
Незлобивый, небольшой
с нежной трепетной душой.

У жучка все просят хлеба,
отсылая прямо в небо.
Улететь дадут с руки
под считалочку-стихи.

Дети, видимо, не знают,
что коровку привлекает
только сад и огород,
там и дел невпроворот.

Что с рассвета до захода
на правах животновода
он обхаживает тлю...
Я за труд его хвалю!

Поедая вредных тварей,
он спасение подарит
и деревьям, и кустам...
И счастливей будет сам.

Приоткрыв свою природу,
стал героем у народа...
Для букашек лютый тигр —
соучастник детских игр.

Яблонька

Не дерево — тростинка:
скромна, тонка, юна.
Прозрачная былинка —
пока ещё она.

Невзрачные листочки
на тощем стебельке
и первые цветочки
на веточке-руке.

Таит внутри отросток
цветения талант,
так девочка-подросток
с восторгом носит бант.

Смотрю — не налюбуюсь
на яблоньку весной,

которая, волнуясь,
трепещет предо мной.

Но вскоре скопит соки,
с любовью встретит май,
в положенные сроки
подарит урожай.

И сад расправит плечи.
На свете стоит жить!
Вкус яблока под вечер
у счастья может быть...

Кенгуру Джонни

В австралийском зоопарке
развлекает детвору,
и — совсем не за подарки —
сероглазый кенгуру.
Кенгуру по кличке Джонни
удивить любого мог:
сам играет на гармонии
пляшет, не жалея ног.

Ручки крошечные сложит,
песни странные поёт.
Гостю каждому предложит
восхищения — на год.
И стоит у клетки Джонни
целый день толпа зевак,
но кормить его с ладони
не положено никак...

Эвкалипт листву уронит,
лето к осени плывёт.
Кенгуру по кличке Джонни
об Австралии поёт.
Позабывтой воли грёзы
скрылись в сказочных лесах.
У него, казалось, слёзы
проступали на глазах...

Может, после перелёта —
разомлела на ветру?
Унесли мои заботы
как в озонную дыру!
Грусть случайную прогонит
славной песней поутру
сероглазый пленник Джонни,
австралийский кенгуру...

Семечко

Я семечко блестящее
сегодня посажу
и землю огородную
тихонько попрошу:
— Прими в объятия странника,
надёжный дай приют
и сохрани посланника,
подсолнух будет тут.

Я путь к колодцу мерила
под вечер и с утра
И, засыпая, верила:
всему — своя пора.
Но очень долго семечко
томилось в темноте,
и пропадало времечко
в печальной пустоте.

А к осени отчаялась,
и мир мне стал не мил...
Мой брат однажды весело,
с хитринкою, спросил:
— Ты поливаешь семечко,
что я тебе вручил?
Не дремлешь на скамеечке
и не жалеешь сил?
— Что, не взошло растение?
Не лучший был уход...

Любая живность малая
зачахнет без забот!
А старому приятелю
поведал в тишине,
что жареное семечко
всучил весною мне...

Жук

Отдохнуть уселся жук
на сухой трухлявый сук.
Рассмотрю-ка я жука,
хоть его боюсь слегка.

Весь зелёный, крючья ног,
под усами — бурый мох.
Не шевелится, сидит,
исподлобья глядит.

Надо мне его забрать,
будем вместе с ним играть.
По утрам гулять в лесу,
только банку принесу.

Без сомненья, за стеклом
я ему устрою дом.
Дам картошки и котлет —
целый праздник на обед!

Ночью я совсем не спал:
жук возился и шушал.
Отказался пить и есть,
собирался улететь.

Я его уже любил,
но на волю отпустил.
«Улетай, братишка-жук,
не мучитель я, а друг!»

С грустью я ладонь разжал,
жук «спасибо» прожужжал,
взвился ввысь, махнул крылом
и растаял за углом...

Капель

Небесной акварели
безоблачные сны.
Прозрачные капли —
весёлый пульс весны.

Вновь, задевая ветки,
вода струилась вниз
из ледяной пипетки,
как дождик, на карниз.

Серебряные нотки,
задорный перезвон.
Стремительно-короткий
и радостный сезон.

Ручьёв оживших трели,
крушенье белизны...
Залётных птиц свирели —
на празднике весны.

Истаявшей метели
подпорченный наряд...
Бубенчики капли
с утра во мне звенят!

Песенка

На голубую тропку,
что вьётся среди полей,
открыло солнце топку
в один из майских дней.

Невыносимым жаром
лицо и руки жжёт,
горячим жёлтым шаром
уткнулось в небосвод.

А я иду по стёжке,
кивают мне цветы.
В малиновых серёжках —
берёзка у воды.

Зелёная опушка,
душистая трава.
И песенка-подружка
подскажет мне слова.

Жить здорово на свете,
по сторонам глядеть.
Подхватят песню дети
и вместе будут петь.

Кактус

Для многих — простая колючка,
в отростках — уродливый стан,
занозы выпячивал, злючка,
сквозь серо-зелёный кафтан...

Но лишь посмотрю на него я,
как вижу пустыню в пыли:
растение это — живое
в горстях у бесплодной земли.

Его не сравнишь с белоручкой,
его не щадили ветра,

в боках поседевших колючки
с небес накаляла жара.

Он лез на иссохшие кочки,
карабкался — только вперёд...
Однажды раскроются почки,
и чудо моё расцветёт!

Лукошко радости

Мы сидели, хмуря лбы:
дождь связал нам руки.
— Не пойти ли по грибы,
ускользнуть от скуки?
Под берёзой и сосной
встретил нас народ лесной.
Грузди и опятки
там играли в прятки.

Мужичок-боровичок,
сдвинув шляпу на бочок,
видно, по привычке,
сватался к лисичке.

А коварный мухомор
мух разглядывал в упор,
покраснев от яда.
Нам его — не надо.

На полянке оглядись,
роще в пояс поклонись,
поищи в низинке...
И грибы — в корзинке.

Возвращались мы домой
взмокшею дорожкой...
Будет всем на выходной
радости лукошко!

Подорожник

Подорожник на дороге
лез отчаянно под ноги,
принимая не без мук —
и кроссовку, и каблук.
Босоногим втихомолку
позволял брести по шёлку,
а бегущего с подскоком —
обдавал зелёным соком.

Выносил он без стенанья
все удары и пинанья,
но, прохладен и лучист,
прорастал целебный лист.
И, не зная похвальбы,
не желал иной судьбы.

Бабочки

Майский полдень полон света,
пьёт тепло
нарядный сад,
и посланницами лета
с неба бабочки летят.

Словно бантики живые —
акварельная пыльца.
Я заметила впервые
их прозрачные тельца.

Кружат трепетные крылья,
Беззащитный хрупкий дар.
Разноцветной эскадрильей
собирают свой нектар.

Лепестков изящный глянец
им дороже всех наград:
и полёта дивный танец,
и свободы аромат.

Оживлённо развлекались,
опускаясь на цветы...
Эльфы-бабочки казались
дуновеньем красоты...

Рыжий клоун

Осень — клоун, рыжий клоун,
на батуте — вверх и вниз.
Несуразно размалёван,
сыплет листья на карниз.

То к стеклу лицом прижмётся
и расплющит красный нос,
то печально улыбнётся:
слёзы — дождиком всерьёз.

Разноцветная арена.
Рыжий шутит и поёт,
но ему дороже сцены —
ранней осени полёт!

Для детей лазурный купол
приоткроют небеса.
Клоун дарит рыжих кукол,
не скупясь на чудеса.

И, конечно, осень-клоун
так старается не зря.
Стужей будет заколдован
цирк в начале декабря.

Испытание

Ну, зачем придуман он —
тихий час и скучный сон?
Вот, лежу после обеда...
не окончена беседа,
прерван важный разговор
и почти проигран спор.

Можно было б с другом Петей
столько нового заметить.
Смастерить корабль в сарае,
я уж точно это знаю.
Пёстрых бабочек ловить
и девчонкам их дарить.
Потихоньку влезть под крышу,
там я часто кошку слышу
вместе с нею — хор котят,
видно, есть они хотят.
Посмотреть на облака
и на землю — свысока.

Рвать клубнику, развлекаться,
в тёплом озере купаться.
Или взять велосипед
и — к Андрюшке на обед.
Неужели тихий час —
испытание для нас?

Чапа

Я увидел черепаху
нашем солнечном саду,
и от радости и страха,
показалось, что в бреду.

Невозможно взяться чуду
даже летом под Москвой.
Как добрался и откуда
Танк — затейливый, живой?

Нос — крючком, а когти — цепки,
глаз сверкает на меня.
На спине — пластинки крепки,
настоящая броня.

Черепаха потерялась,
от хозяев уползла.
До зимы осталась малость,
может, спряталась от зла.

Назову питомца Чапой,
накормлю его травой.
— Хочешь, домик расцарапай,
всё равно, ты — мой герой.
Рассмешила всех сестрёнка:
— Чапе трудно ползать, Сань!
Пожалей черепашонка
и из панциря достань!!!

Мечта

Жаль, не моя... Нет лучше кошки!
Я завтрак ей отдам — до крошки,
поглажу спинку, белый хвостик,
проверю — не горяч ли носик.

Устрою мягкую кроватьку,
чтоб не привыкла к беспорядку.
Отдам и книжку, и ириску,
и новый мяч, что любит киска.

Когда я вырасту большая,
зверьков пушистых будет стая!
Нужна мне кошечка-подруга,
чтоб долго радовать друг друга.

Играть, гулять и веселиться
и вскачь по комнатам носиться,
и даже плакать временами...
Как объяснить всё это маме?

Гольй землекоп

Не пробегайте мимо, стоп!
С картинки смотрит землекоп:
уродлив лыс, как старый крыс,
за жуткий вид — ему бы приз.

В морщинах — тело, зубы — врозь,
но скалы прогрызёт насквозь.
Снуёт под затхлою землёй,

ему не важен водопой,
почти не нужен кислород,
чтоб продолжать свой мощный род.
Грызун не знает лучших мест:
ходы копает, корни ест.

От старости свободен он,
в себя впустивший полусон.
Без огорчений и хвороб
живёт без боли землекоп.

Учёных мучает вопрос:
какой-такой в нём ген пророс,
тая волшебный эликсир?
Пусть землекоп спасает мир!

Страна Оз

Австралийские просторы,
океанская волна.
Снегом сдобренные горы,
ярко жёлтая луна.

Разноцветные опалы,
розы алые в саду.
Несмышлёные коалы,
под присмотром какаду.

Звуки радостной гитары
гонят дрему поутру,
и хохочет кукабарра,
бьёт чечётку кенгуру.

Попадая в Зазеркалье,
в Изумрудный город Оз,
понимаешь, что Австралия —
воплощенье детских грёз.

Поющие цикады

Звонят цикады до утра,
стрекохут с упоением.
Ведь лето — это их пора,
сердца тревожить пением.
Казалось, овод-дирижёр,
взмахнув хрустальной палочкой,
сумел собрать волшебный хор,
для счастья, не для галочки.

А до кустов, где сцена, — метр.
Я — как в консерватории.
Цикад невидимый оркестр
выводит оратории.
И, разгоня тишину,
звучат призывно скрипочки.
Поймав мелодии волну,
народ встаёт на цыпочки.

Зачем так радостно поёт
невзрачное создание?
Не спит все ночи напролёт
и — славит мироздание!

В вельяминовском лесу

Ручей — холодный,
голубой и чистый,
и над водой, играя и кружась,
летят стрекозы в полдень
золотистый,
как в танце,
стаякой трепетной держась.
В траве растут ромашки луговые,
скромней и ярче их — на свете нет.
И смотрят ввысь деревья вековые,
ведь небо летом — синий самоцвет.

И зыывают нас лесные дали,
узором тень ложиться на тропу.
Июльский день.

О, как же мы мечтали
порадоваться белому грибу!

Мне — восемь лет,
 часов — не замечаю:
всё счастье лета, несомненно, тут!
Я до сих пор по этим дням скучаю,
и мама с папой впереди идут...

РИФМЫ — С УЛЫБКОЙ: ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Басня о любви

Кузнечик, юный и зелёный,
мечтой прекрасной окрылённый,
влюбился страстно и неловко
в красотку — божию коровку.

Пленила глянцева спинка,
в горошек чёрный пелеринка.
Незамутнённый, добрый взгляд
и стройных ножек — целый ряд.

Он ублажал её стихами
и ароматными цветами.
Поил кристальною росою,
знакомил с тётушкой Осою.
Пел серенады на листочке.
и наконец, дойдя до точки,
воскликнул: «Я тебя люблю!»
Она ж любила только... тлю.

*Мысль, настигнутая кончиком пера,
на бумаге корчилась с утра.*

После дня рождения

От жизни — обмылок,
 от счастья — огарок...
В унылой коробке —
 забытый подарок.
От глупых стихов —
 полусмятый обрывок,
а в вазе фруктовой
улёгся огрызок.

Алеет помадою Сонин окурочок...
Кто курит сегодня —
 последний придурочек!
От всех излиятий — изжоги осадок,
внутри, кроме жажды,
досады остаток...

Ах, как голова
 от хмельного кружится!
Ещё бы, хозяйка под утро ложится!
Вот так, философствуя,
 тяжко вздыхаешь,
когда свежий мусор
 в совок собираешь!..

Осень

Ах, осень, рыжая корова,
слизнула лето языком.
Тряхнула выменем багровым,
туман мешая с молоком.

Вздохнёт — и всюду холодает,
на поле ступит — жухнет цвет.
То листья с веток обглодает,
понурый оставляя след,

то побежит напропалую
по перелескам и лугам.
И, воду стылую целуя,
тоску оставит берегам.

Пригонит туч тяжёлых стадо,
растопчет август в пух и прах...
Несётся рыжее торнадо
с ромашкой вялой на рогах.

Всё норовим достичь чего-то,
ухабы подлые кляня,
подмётки стоптаны заботой,
дымят дороги без огня.

Мы в сумасшедшем нетерпенье
взнуздали шальные года,
но тишине благодаренье
перепадало не всегда.

Событий гонг срывает негу,
боимся к сроку не успеть.
Из лета — кубарем — по снегу,
из вольности — с размаху в клеть!

И вроде муторно без дела,
как вирус въелась беготня.
Мельканье жизни оголтелой
не пощадило и меня.

Бегу как страус без оглядки,
чтобы повсюду успевать...
Дай Бог, чтоб выдержали пятки!
Не помешало б подковать!

Брачное объявление

Я стану камином,
прозрачную тенью
и косточкой даже
в вишнёвом варенье.
Могу, если хочешь,
звездой лучистой,
водой родниковой,
целебной и чистой.

Нежнейшей подушкой,
микстурой и грелкой,
в курином бульоне —
поджаристой гренкой.
Поэмой, с которой
весь мир встрепенётся,
страною, неважно какую зовётся.

Оливковой ветвью,
ромашковым полем,
и звонким дизелем,
и грустным бемодем.
Бокалом, дарящим вино и веселье,
рассолом, снимающим
корчи похмелья.
Припевом, заученным складно
и дружно...
Звоните скорее, кому это нужно!

Сизифов труд

Как же мне знаком сизифов труд...
Но не всё на свете перетрут
труженика праведные руки.
Случай иль берёт нас на поруки,
или отвергает среди скал.
И его злорадостный оскал
подтверждает пресловутый миф:
царь коринфский, мученик Сизиф,
мастер всех пустопорожних дел
и поныне тянет свой удел.

Эту тяжесть в пропасть не столкнуть
и с горы проклятой не свернуть.
Лишь преграда серая у лба,
как валун базальтовый, судьба.
Груз надрывен, путь чрезмерно крут,
мы с Сизифом знаем этот труд.

Сегодня пасмурно и сыро,
хотя по-прежнему тепло.
Я у окна с кусочком сыра
смотрю сквозь мокрое стекло.

И кофе в белоснежной чашке
роскошным запахом бодрит.
За все известные поблажки
душа судьбу благодарит.

За муки непокорной рифмы,
за жизнь, всем бедам вопреки,
и за немислимые рифы,
не перекрывшие реки.

Пусть время косится стыдливо
из незадобренных зеркал.
Ещё не сварена подлива,
ещё не выгорел мангал.
О, я не сетую на время!

Его я в гости приглашу,
смиренно поцелую в темя
и благодарность напишу...

Случай в метро

Стоит старушка-одуванчик,
одутловатое лицо,
В руке — пластмассовый стаканчик...
Москва. Час пик. Метро. Кольцо.

Неистово фальшиво крестит
себя в несносной духоте.
Так мытарь на доходном месте —
не помышляет о Христе.

И почему-то лютой злобой
глаза из-под платка горят.
Обычно нищие с хворобой
за денежку благодарят.

Но бабка-ведьма рвёт и мечет,
опасной ярости полна.
Ей ненавистен каждый встречный,
быть может, пьяница она?
Я как писатель размышляю,
реальность отделив от сна.
Лихую сказку сочиняю:
её безумье — от вина.

И стало жалко, бедолагу:
стоит одна на склоне лет.
Судьбы несчастной колымага
в ужасный съехала кювет.

Но краем глаза наблюдаю,
как ловко, словно виртуоз,
старуха денежки сгребает
без благодарности и слёз.
Всё ж подхожу... (такая дура!..)

— Возьми, бабуля, горсть монет...
Ах, сердобольная натура!
И что же слышу я в ответ?

Старуха деньги прихватила
и, не боясь грядущих бед,
в бесстыдстве грозном процедила:
— Чтоб вас не видеть сотню лет!

Муза

Моя Муза красуется в шляпках,
любит кофе, вуаль и браслеты,
аметисты в серебряных лапках
и ментоловый флёр сигареты.

Сядет в кресло в измученной позе,
одарив неизменным укором,
и коснётся засохшей мимозы
чуть брезгливым эмалевым взором.

Безучастно по строчкам пройдёт,
груз сомнений взвалив мне на плечи,
и стремительно с места сорвётся
без намёка на новые встречи.

Размышление о судьбе

Что ещё судьба затеяла,
в кукиш складывая длань?
Только было отметелила —
снова требуется дань.

Как польстить ей, мне неведомо,
не задобришь — даст пинка.
Подкормить её обедами?
Если б знать наверняка...

Может, ей колечко глянется,
как-никак, не поскуплюсь.
Или юбочкою глянцевою
я удачно отдарюсь?

Не подать ли ей варения,
то, что требует свекровь?
Напишу стихотворение
про страданья и любовь.

Вот тогда судьба, наверное,
подобрет невзначай...
Это средство, братцы, верное,
поизысканней, чем чай!

Воронка

В голове моей воронка,
столь нехитрое устройство
помогает влиться морю
всякой всячины обильной
из упругого пространства.
Проникает многим меньше,
в тонкой трубке застревая.
Знают все, что у воронок
горло сдавлено в конце.

Впрочем, разве это глупо?
Приглядишься, воронка — рупор:
можно выдавить идею,
слово крепкое вернуть,
пусть стеснён обратный путь.
Дозы точечной нагрузки
подаются струйкой узкой.
И спасенье для мозгов —
осаждать огульность слов.

Перед объявленным концом света

Кто смеялся, кто боялся,
кто шумел и бесновался.
Кто молился неумело,
кто на отдых рвался смело.
Кто писал стихотворенье,
кто доваривал варенье
и поругивал пророка,
порицая точность срока.
Кто беспечно шёл на речку,
кто скупал муку и гречку.
Всем хотелось, чтобы Бог
свой сценарий превозмог!
И металась у порога
вздорной бабочкой тревога...

Фаворитка

Жизнь оседлав довольно прытко,
с брезгливой миной на челе,
предстала взорам фаворитка
при мягкотелом короле.

Сумела тайные пружины
к рукам изнеженным прибрать.
Стоят потуплено мужчины:
любого может покарать.

Безграмотна и агрессивна,
до омерзения жадна.
Цепь на груди её массивна —
и заменяет ордена.

Счастье моё

Вечер насупленный,
в доме не убрано,
ужин положено соорудить.
Право на отдых законное —
попрано,

впрочем, не стоит о счастье судить.

Громко скомантую:

«К бою с посудую!

Пусть подзасохла,

умри, но отмой!»

Время течёт краткосрочною ссудую
и, как всегда, отберёт выходной.

Вот разморожу печальную курицу,
жареным луком встревожу жильё.
Уж под луною разнежилась улица...
Многостаночное счастье моё.

Силы шагреновой кожей
сжимаются.

Пол подмету и поглажу бельё.

Дети навряд ли пораньше
умаются...

Многосемейное счастье моё.

Но остаётся сраженье с прорехами,
пуговиц, вырванных с мясом,
штук пять.

Справлюсь с делами,
как белка с орехами,
стало быть, время покатится вспять.

Я у Создателя выпрошу чуточку,
самую малость, на миг забытьё.

Не поспешишь,

дай на строчку минуточку,
многоглагольное счастье моё.

Подруге поэтессе

Тебе стихов не посвящали?

О, блажь сомнения!

Перетекли твои печали

в дар песнопения.

Оставь: любили не любили,
стёрт рай на глобусе...
Дай бог, чтоб нас не позабыли,
как зонт в автобусе.

А лето не желало начинаться.
Июнь его почти что тумачами
заталкивал в положенные сроки,
проверенные долгими веками,
давая послушания уроки.

Дугой остывшей вздрагивало солнце.
От долгих вахт уставшее светило
забастовало и едва светило,
лишь продолжало в тучи упираться,
и лето не желало начинаться.

Сюрприз капризной
матушки-природы,
укор весны, канун верхушки года,
проделки расшалившегося тролля...
Казалось, вышел мир
из-под контроля.

Не стоит на погоду обижаться...
Но лето не желало начинаться!

Под знаком Рыб

В штиль безнадёжно пропадаю,
от шторма ною и страдаю.

Не выношу тягучей тины,
люблю прозрачные глубины.

И я не сильно согрешу,
коль анекдотец напишу.
А если выйдет не смешно —
есть повод спрятаться на дно.

Затишье порождает скуку,
водоворот кидает в муку.
Волна шальная шибанёт,
вода стоячая гниёт.

Куда ж деваться рыбке кроткой?
Всё лучше, чем на сковородку...
Повадки рыбы не бросаю
и до сих пор себя спасаю.

Ужин

Упаковку слов и кулёчек снов
да фантазии мне кусочек,
пузырёк чернил, что ядрён и мил,
полкило запятых и точек.

Уж приду домой с дорогой сумой,
преисполнившись озаренья!
Не смотри с тоской,
драгоценный мой,
будут к ужину стихотворенья!

ЗАРИСОВКИ МИМОХОДОМ

Откровение

Шептала коронка потёртому зубу:
«Я стану защитой, опорой буду...
Что может быть крепче
объятий влюблённых?
А стою всего я... пять сотен зелёных!»

Совет

Крутя амурь с крокодилом,
не забывайте: вы — улов,
что вам любовь не подарила
улыбку, полную зубов...

Ракурс

Вобла призналась
сазану влюблённому,
что у неё аллергия к солёному,
и, что весьма справедливо,
чувство брезгливости к пиву!

Вывод

От оды и до эпитафии —
стихи, увы, сродни безделице.
Они важны, как фотографии,
пожалуй, только их владельце.

Наблюдение

У стихотворного процесса,
хоть обыщись, а пола нету!
Зря принимают поэтессу
за инфантильного поэта.

Весенняя догадка

Май в небо выкатит луну,
зов плоти вспенит кислород.
Глядь — на любовную блесну
охотно ловится народ...

Вчерашняя кассирша

Сидя за кассой
в величии царственном,
сыто хамит всем без меры и разницы.
Годы с харчами и денежной массой
сузили лоб, но расширили задницу.

Поветрие

Все наши дамы в одночасье
нашли себе замену счастья:
хотят предстать худыми к лету,
сев мягким местом на диету!

Конкуренция

«Что мне нарцисс? — шипел пион, —
Прекрасен я!» — воскликнул он.
Прикид шикарен, ярк тон,
и чем пион не чемпион?

Предупреждение

Комар, напившись свежей кровью,
мгновенно был убит свежескормой.
Вампиру — смерть, уж не взыщи...
Идешь на дело — не пищи!

Иногда

Все стихотворные размеры
мне опостытели без меры,
как будто горе-метроном
с утра раскачивает дом.
Я этот ритм повсюду слышу,
держась за съехавшую крышу...

Открытие

Свободы — нет, не спорьте, детки,
ведь даже сердце бьётся в клетке.

Уймись, поэт, ты слишком надоел!
Дай отдохнуть садам, полям и травам,
дай обрести спокойствие дубравам,
и без тебя хватает в мире дел.

Глашатай буйный, ты уже смешон,
и жизнь не входит в плоские размеры,
но ты всё время лезешь на рожон,
выискивая ложные химеры.

Ну, хоть теперь немного помолчи,
твой голос стал болезненно натужен.
Толпе оглохшей в уши не кричи...
Ты заслужил вполне покой и ужин!

Стихам не сиделось
в тюрьме-коробке,
которую люди зовут черепною.
Они выгибались (рвались за скобки)
и болью ворочались головою.
Бока отлежали в душе измятой,
из мокрых пелёнок
стремились разом,
их рты ещё были забиты ватой,
но в них начинал
зарождаться разум...

Галдели, подобно пчелиному рою,
ни спать не давали,
ни выкушать чаю...
Ах так? вылетайте! Я дверь открою,
но впредь ни за что уже не отвечаю!

*Долой унынье, день — прекрасный,
мой путь — стремительный и ясный.
Преодолею, претерплю...
И снова — верю и люблю!*

Верни мне, Господи, любовь...

Верни мне, Господи, любовь,
ведь без неё уже не выжить.
И песню из души не выжать,
не залатать просевший кров...
Верни мне, Господи любовь!

Любви потеря — неспроста,
я ей неправедно служила:
и счастья золотую жилу
перемолола суета,
неумолима и пуста.

Любовь озвучивала век,
я эту истину постигла,
но жизни музыка затихла,
как будто провалилась в снег,
недальновиден человек...

И в небо я кричу: «Прости!
За своеволие и упрямство,
за чувств моих непостоянство
и незадачливость пути...
Дай снова радость обрести!»

Верни мне, Господи, любовь...

Гроза

С бешеным азартом мякоть фиолета
молнии взрезают остриём стилета,
ослепляют дали магнием горящим.

Взрывами — раскаты —
яростней и чаще.

Корчится и бьётся на ветру ненастье,
извергая пламя из драконьей пасти.
Я в восторге нынче
от бунтарской мощи,
я с дождём сливаюсь
у любимой рощи.

Исчезает тяжесть и грехов, и тела,
в радостном безумье —
так бы и взлетела,
чтоб вдохнуть всей грудью
воли и озона!
Но — осталась в луже,
посреди газона...

Цыганка-осень

От заморозков дали заалели,
свеченьем ярким обагрив тропу:
В цветастых шальях пёстрые аллеи
похожи на цыганскую толпу.

И листья, словно карты
красной масти,
ложатся в ослепительный пасьянс.
Гадай, цыганка-осень, мне на счастье,
дари свои обольстительный романс.

Трахни плечом в движении летящем,
поворожи, порадууй, обмани!
Дай насладиться кратким настоящим,
гнедых коней сентябрьских не гони.

Ещё не вечер, всякое случится,
обдаст туман испариной густой...
Ах, не гадай, мне впору помолиться...
Лови за труд червонец золотой!

Убывающее будущее,
разбухающее прошлое,
несмирённое, бунтующее,
как репейником заросшее.

В заколдованном смешении
все понятия разрушены:
разъярённое смущение
половодьем слёз иссушено.

Обретённую свободу
я сама к себе приколата.
Пахнет квасом виски с содовой,
проржавело клёнов золото.

Солнца око благодатное,
как бельмом, заплыло тучами...
Я плачу за неоплатное,
опрокинутая кручами.

Возвышаемая бедами,
одиночеством восторженным.
Сокрушённая победами,
обязательством расторженным.

За ошибки нерадивости
откуплюсь несметной платою:
обречённую правдивостью
и спасительной утратою...

Жасмин

На чёрной бескрайности ночи,
как облако, — кипень жасмина,
почти нереальная, впрочем,
лиственной темнокожей хранима.

Причудливый запах соцветья
дали мятежно и смело.
Мерцали зрачками созвездья,
и лето июлем звенело.

Жасмин — как подарок проходим,
с трудом пережившим ненастье.
На яркую вспышку похожий
предчувствием скорого счастья.

Как факел — сквозь тёмные своды,
и белый костёр — на удачу...
Как знак благосклонной природы,
и редкая радость — в придачу.
А куст трепетал и светился,
свечой озаряя дорогу,
чтоб кто-то в ночи помолился,
цветеньем застигнутый, Богу...

Весна

Скупа весна в России на тепло
или бедна, что правильнее даже.
Ей будто чресла холодом светло:
едва влачит нехитрую поклажу.

То до бровей надвинет хмарь-платок,
пытаясь скрыть подтёки и морщины,
то выставит под сумрачный поток
травы засохшей ржавую щетину.

Измучена, угрюма, голодна —
разляжется на грязные газоны.

С бедой всегда соседствует вина...
Бредёт весна, как нищенка, из зоны.

Изношенный развяжет узелок,
рукой шершавой
справившись проворно,
но каждому надежду выдаст в срок...
И мир преобразится чудотворно.

* * *

Что жизнь? Помянет да обманет,
событий запуская ком.
Локтями острыми изранит,
потёртым звякнет пятаком.

Шипом досады шевельнётся
в подвалах сумрачной души.
Как скряга, криво усмехнётся,
тоску скупая за гроши.

Перед рывком подставит стремя:
мол, не отчаивайся, друг!
И незадачливое время
однажды выдернет из рук...

Вздыхать о прошлом бесполезно,
мечтать о будущем смешно...
Слизнул ноябрь
пейзаж облезлый,
как пёс, улёгся под окно.

Метель судьбу переиначит,
под ноги просыпая соль.
Отпричитает и отплачет,
и тотчас выветрится боль.

Зима безжалостно спасает,
припудрит белую золой,
и сердце сникшее пронзает
своей серебряной иглой.

Удержит хваткою железной,
подстелет снега полотно!
И всё не так уж бесполезно,
хотя по-прежнему смешно...

Две ноты

Ре

Цветаеву венцом печали
несправедливо величали.
Строка её — замах с плеча —
пощёчиною горяча.

Полёт заоблачных идей —
над неприкаянностью дней.
И крик надрывного тире
взлетел до верхней ноты ре...

Фа

Ахматовская нота — фа:
любви утраченной фата.
Фонтаны Царского Села,
пророчеств острая игла,
вонзившаяся в ткань небес
и вышивающая крест.
В стихах её звучит фагот,
познавший тайну невских вод...

Слова

Слова тасую, как колоду карт,
испытывая трепетный азарт.
Перебираю молча, как пшено,
раскладываю в ряд, как домино.

Кладу на зуб червонец золотой,
смотрю на свет,
чтоб сверить с чистотой.
Без устали верчу и так и сяк,
выискивая фальшь, изъян, пустяк.

А если надо — пробую на вкус,
за дело это с радостью берусь.
Есть слово как крыжовник
наливной —
ударит в небо кислою волной.
Есть — горло вяжет, будто бы хурма,
есть — перцем обожжёт, как бастурма.

Разламывая слово по частям,
хочу преподнести его гостям.
Втянувшись в изошрённую игру,
Мир-пазл из слов однажды соберу!
Слова я то читаю, то пою,
но умоляю суть раскрыть свою...

День

В отрешённости дня,
что сверкнёт за окном
отраженьем небесного света,
есть пространство над выбеленным
полотном,
но без времени и без сюжета.

Этот день обозначит
на снежном ковре
очертанья застывших мгновений:
непричастный к рискованной
жизни-игре
и свободный от хитросплетений.

В нём размоются лица, сотрутся дела,
истончаясь до исчезновенья.
...Бесконечна дорога, страница бела,
ослепительна вспышка прозренья...

Ну, вот и мы, похоже, миновали
агонию февральского мороза.
Перетерпели, перезимовали,
преодолели мрачные угрозы.

Теперь в весну,
как в юности — с разбега,
её ручьями чистыми умыться.
Услышать шёпот тающего снега...
А там и лето, стало быть, случится.

Оно и зачарует, и расслабит,
Закружит в ярком, полыхнёт загаром.
Тепло благословенное восславит,
и в осень залетит бильярдным шаром.

Уж осень тяготеет к Подмоскovie
грибным дурманом, терпкостью
рябины.
Щемящей неизбывною любовью,
запечатлённой в золоте картины.

Заснеженные, царственные ели
не утаят серебряной наживы...
Всё сызнава — от самой колыбели,
в земных пределах слов «пока мы
живы».

ИЗ КНИГИ «МЕЖДУ ТРИДЦАТЬЮ И СОРОКА»

*Нам всем придётся быть в ответе
за совершённые грехи.*

*На этом ли, на том ли свете,
как исповедь — мои стихи...*

Настроение

Отглажу юбку, кофточку надену,
на лоб усталый скину завиток...

Включу глаза:

теперь мне хоть не сцену!

Пойду, пройдуся по улице часок.

Зовёт меня распахнутая дверца,
шаги готовы музыкой звучать.

Чего уж там? Отходчивое сердце
ещё умеет радость излучать!

Земля с утра заходитяся в мажоре,
И нет преград, и всё мне по плечу...

Шельмец-сентябрь

в безудержном задоре

под ноги стелет красную парчу.

Листовою яркой ссужен
день осенний,

Сегодня он и к месту, и к лицу:
сквозь сито солнца

тщательно просеян,

и отдан в дар Бульварному кольцу!

Отглажу юбку, кофточку надену,
на лоб усталый скину завиток...

Включу глаза:

теперь мне хоть на сцену!

Пойду, пройдуся по улице часок.

Одиночество, стужа и ветер

Я, наверное, здесь никому не нужна:
выйду в полночь — никто не заметит.

Чёрным платом накроет

меня тишина,

одиночество, стужа и ветер.

Мне шипела змеёю вдогонку луна:

За судьбу свою будешь в ответе,
предрекая, что душу пронизуют до дна
одиночество, стужа и ветер.

И неважно, с какой

обручившись виной,

но любовь, как бродяжка, на свете...

Неотступный конвой

у меня за спиной:

одиночество, стужа и ветер.

Карминовый вечер

Давай, мой друг, немного отдохнём,
нам хорошо по-прежнему вдвоём.

Свеча одарит новым силуэтом,
и комната, разбуженная светом,
затеплится живительным огнём...

Давай, мой друг, немного отдохнём.

Свой погрузневший взгляд
едва ли скроешь.

Я закурю, а ты окно откроешь:
непониманье превратится в дым,
и унесётся — облаком седым.

В бокалах лёд остудит хмель мартини,
пусть наша жизнь изменится отныне!
И время, что пульсирует в крови,
не отбирает радостей любви.

Наш опустевший дом
встревожит вечер,
накинь мне шаль пушистую на плечи.
Судьба спешит, никто не виноват.
в неистово карминовый закат,
но, что стареем, видно только днём...
Давай, мой друг, немного отдохнём.

Новогоднее пророчество

Замела метель, завьюжила,
утверждая снежный шик,
как рождественское кружево,
прилегла на воротник.

Закружила, заморочила,
стужей дунула в глаза.
Новогоднее пророчество
не почувствовать нельзя.

Ледяными переливами
затуманилось окно.
Загадаю стать счастливою
и любимой заодно.

Ах, метель, не стоит мучиться,
полно прошлое искать...
Пляшет белая попутчица,
обещает благодать.

Вьюга

Вьюга белою юбкой шуршала,
накрахмаленной выдохом стуж.
Горностаевое покрывало
постелила на зеркало луж.

Флиртовала с гусаром-морозом,
кружевами задёрнув окно.
И рождественским апофеозом —
зимний город на снежном панно.

И за ночь она так расстаралась,
закружилась как веретено.
Заговорщически мне улыбалась,
ледяное пригубив вино...

Восхваляя минуту безумья,
блётку снега смахнула с брови...
Отражаясь в зрачках полнолуныя,
до утра предавалась любви...

Когда стихают судороги буден
и резких звуков замолкает хор,
я тишину вдыхаю полной грудью,
всем какофониям наперекор.

Наш нервный век
в зависимости странной
от всех сирен, оркестров и ключей,
от разговоров нудных и пространных
и прочих говорливых мелочей,
от пересудов, сплетен и скандалов,
горластых песен, хлопанья дверей,
от выстрелов, стенания вокзалов
и бульканья облезлых батарей.
Транзисторов, орущих нагло в ухо,
от телефонных жалящих звонков,
моторов чьих-то, кашляющих сухо,
у полуночных пьяных ездоков.

Шум на Земле,
как озверевший монстр,
с урчаньем пожирает тишину,
и неба содрогающийся остов
едва несёт оглохшую луну.

Жёлтая зола

Мгновенно лето пролетело,
в руках у осени — метла.
Откуролесила, отпела
с ветвей опавшая листва.

Я почему-то не страдаю
по промелькнувшему теплу...
Костёр осенний, догорая,
рассыплет жёлтую золу.

И ощущается тревожно
в холодной сфере полусна,
что в лето — больше невозможно,
оно исчерпано до дна.

Но больше — никаких сомнений,
несбывшееся — всё долой!
Под хор сентябрьских песнопений
дай, Боже, обрести покой...

Памяти моей бабушки

Прости, что я бесчувственной была,
уход твой приняла как под наркозом.
Любви прекрасной белые крыла
хранят с тех пор и осушают слёзы.

Уж столько лет казнит палач-тоска,
и брошен в душу камень укоризны.
И плавит мрамор горькая строка:
«Уходят наши близкие из жизни».

Когда ж явлюсь перед Судьёю я
на вещий суд,
 пронзительный и строгий,
встречай меня, хорошая моя,
на самом ослепительном пороге.

Взрыв пробуждающихся почек,
зазеленевших поутру,
поток неукротимых строчек,
затрепетавших на ветру...

Но мы — не баловни природы:
зима — шесть месяцев в году!
И я предательство погоды
от мая-ветренника жду.

О, эти арфы небосвода,
сирени праздничный дурман
и упоения свободой
очаровательный обман...

Ель

Дай пожму твою лапу, роскошная ель,
разодену в парчу как невесту...
И вдохну полной грудью
 дурманный хмель,
и воздвигну на царское место!

Забрела — бесприданницей
 под Рождество,
Клеопатрой воссядешь на троне...
И не зря состоится твоё торжество
в драгоценностях и при короне.

Будет праздник вокруг,
 все к тебе припадут:
обольстительна
 ложь комплиментов...
Но поклонники быстро
 тебя предадут —
без сомнения и сантиментов...

Всё потом, а пока — встрепенись,
отдохни,
у судьбы не выпрашивай милость...

Ты оплачешь ещё свои прошлые дни,
но не к ним ли

ты столько стремилась?

Дай пожму твою лапу, роскошная ель,
разодену в парчу, как невесту...

И вдохну полной грудью

дурманящий хмель,
и воздвигну на царское место!

Между тридцатью и сорока
потрепало нас с тобой слегка.
На разбег мы не жалели сил,
но прыжок нередко подводил.

Между тридцатью и сорока —
как любовь бывает глубока.
Кружево весеннее лесов
и бубенчик детских голосов,
алый восхитительный рассвет...
Сколько же ушло на это лет?

Между тридцатью и сорока
так непостижимы облака
и звезды ночной туманный свет,
и небес пророческий совет.

Между тридцатью и сорока,
кажется, что старость далека.
И сильна и воля, и рука,
усмирить способные быка.

Между тридцатью и сорока
за грехи расплата велика,
и хранится в сердце горький след
всех несостоявшихся побед,
лучших ненаписанных стихов,
дальних неисхоженных дорог.

У судьбы на всё отпущен срок,
каждому роману — свой пролог.
Соблазняет счастье игрока
между тридцатью и сорока.

Между тридцатью и сорока
так немного сделано пока...

И стану я воспоминаньем,
незримой тенью, вздорным сном,
беззвучным призрачным рыданием
растаю в небе голубом.

И если там, куда я взмою,
даются память и сердца,
я буду прошлою, земною
тоской томиться до конца.

Нам всем придётся быть в ответе
за совершённые грехи.
На этом ли, на том ли свете,
как исповедь — мои стихи.

ИЗ КНИГИ «ПОЛНОЛУНИЕ»

*Почти не дышит, наспех сшит сюжет.
Стих должен долго в чувствах повариться,
чтоб вздрогнул мир: ещё один поэт
рискнул на поругание явиться!*

Музыка в душе

Что за музыка льётся незримо,
растворяясь неспешно в тиши?
Может быть, это песнь херувима
проникает в обитель души?

Зазвучав откровенным признаньем,
от беды обещает помочь.
Наполняясь небесным сияньем,
льдинкой тающей падает в ночь.

Чуть коснётся изящною трелью,
словно лёгкий порыв ветерка...
И звенит сладкогласной свирелью
завладевшая сердцем тоска.

Слышу зов запоздалого счастья,
что ещё испытать не пришлось...
И томленье разбуженной страсти,
и наплыв неожиданных слёз.

Я знаю, как задобрить карандаш,
умею заговаривать бумагу.
Размер и рифму взяв на абордаж,
словцом запальным выказать отвагу.

Сменить души горячий объектив
на беспристрастность фотоаппарата.

Рас слышать тишины императив
и оживить застывшую цитату.

Но это всё уменя, не стихи,
эксперименты речевых конструкций.
Они пока безлики и глухи,
как жалкое подобье репродукций.

Почти не дышит,
наспех сшит сюжет...
Стих должен долго
в чувствах повариться,
чтоб вздрогнул мир: ещё один поэт
рискнул... на поругание явиться.

Подарок Зевса

Перстень мой, что на руке лелею, —
память об отважном Прометее,
что огонь принёс с Олимпа людям,
этот подвиг вряд ли мы не забудем.
За порыв жестоко был наказан
палачом-орлом в горах Кавказа.

Зевс не мог унять свою гордыню:
он велик — как прежде, так и ныне.
Может, жалко стало Прометея?
И уже не радуется затея,
но сюжет, оставшийся вне правил,
сам владыка всё-таки подправил,

чуть смягчив, не отменил приказ.
Пусть титан виновен, и Кавказ,
ту скалу, к которой был прикован,
Зевс представил в обрамленьи новом.
Уменьшая, в перстень заточил,
кандалы в оправу превратил.
Прометей, носи скалу на пальце
(назиданье гордому страдальцу),
но прикован будь — уже к кольцу...
Впрочем, притча близится к концу.
Зевс гуманным сделал приговор,
жаль, о нём не знали до сих пор.

Измотать обещают дороги,
Прохудятся мои башмаки,
обобьются ступни о пороги,
белизна испарится с руки.

Всё, что дорого было мне прежде,
прихватить не сумею с собой.
Поклонюсь ясноглазой надежде,
не осмелившись спорить с судьбой.

Поседеют поникшие кудри,
и в молчанье иссохнут уста.
Пылью горькою щёки припудрит
без пощады карга-пустота.

Я не знаю, в чём замысел Божий,
милый край, обо мне не забудь...
Всем хребтом, всей дрожащею кожей
ощущаю потерянный путь.

Пушкин

Как он мучительно искал
любви магический кристалл,
чтобы детально рассмотреть:
плутовку-жизнь, мерзавку-смерть.

Писал стихи, летел, спешил,
рвал беспощадно струны, жил.
От вдохновенья горяча,
жизнь прогорала как свеча.

Дороги. Встречи. Скрип пера.
Сквозь боль терзаний — луч добра.
Круженье мира в вихре строк,
и — надвигающийся рок...

Разлуку чувствовал вдали,
не обвиняя Натали...
Над Чёрной речкой — алый свет,
в руке — дуэльный пистолет...

Мгновений яркие штрихи,
легли в бессмертные стихи,
а синей вечности кристалл
поэту под ноги упал...

Дороги. Встречи. Скрип пера.
Сквозь боль терзаний — луч добра.
Круженье мира в вихре строк,
и — надвигающийся рок...

Сказание об Аврааме

В далёких землях,
древних и пустынных,
что втиснулись
меж Тигром и Евфратом,
жил праотец, почтеннейший,
но странный,
и праведником слыл,
каких не сыщешь.
Он слишком долго жил
по воле Божьей,
пока не понял: старости не видно.
Всё был, как прежде,
юный и красивый,
и силою завидною отмечен.

И с Богом мог частенько объясняться,
высказывая мысли и догадки
о существе вселенского порядка.
Взроптал однажды, что упруги ноги,
живот подтянут, мускулист и жилист,
и нет конца его земной дороге.
Устал, возможно, Авраам премудрый,
взмолившись о конце существования,
в краю суровом той земли угрюмой,
куда его стопы Господь направил.
Просил у Неба — не счастливой доли,
заслуженного, впрочем, наказания,
которого тогда совсем не знали
и только позже старостью назвали...
Теперь должна я сделать пояснение,
что люди жили долго молодыми,
в сто лет они смотрелись
лет на двадцать:
ни горя, ни болезней, ни морщин,
касалось это женщин и мужчин.
Даровано им было умирать
без старости, мучительной и жуткой,
уход их представлялся
просто шуткой:
чихнул украдкой, будучи здоров.
Во время чиха души отлетали,
так наши предки славно умирали...
Чихнувшему — с тех пор желают сразу
здоровья, чтоб не встретилась зараза.
И каждый раз, не экономя слов,
все громко восклицают:
«Будь здоров!»
Но Авраам просил всё время Бога:
«Укороти нам долгую дорогу,
дай сморщиться, подобно черепахе,
чтоб ожидали смерть свою во страхе.
Виновны люди, Господи, прости,
Ты старостью грехи всем отпусти».
Так он шептал...
и вскоре был услышан.

Тогда никто не знал,
что значит старость...

Бессонница

Ночь-скряга и прижимиста, и зла,
сгрызает сон под утро, словно сушку.
Колючих крошек горстку собрала
и ссыпала на жёсткую подушку.

Бессонница, ну как же мне уснуть!
Всё кажется, реальность раскололась,
и трещина высвечивает путь
в какую-то неведомую полость.

Туда стекает времени струя,
преобразуясь дуновеньем млечным,
там растворюсь когда-нибудь и я,
подхваченная вихрем быстротечным.

Луна

Взойдя над миром каждый раз,
луна свет Божий прославляет.
Грустит — повёрнута анфас,
а в профиль — радостью сияет.

То ободрит, то укорит,
стекая каплею медовой.
В небесной раме воспарит,
блеснув латунною подковой.
То скроется за облака,
когда за нас краснеть не хочет,
но наблюдает свысока
за всеми каверзами ночи.

Предугадаешь не всегда
в очах луны очаг веселья.
Пьют до рассвета города
её магическое зелье...

Они

Они смотрят на нас обожающе,
обещающе, вдохновляюще,
вызывающе, обижающе,
осуждающе, убивающе.

А когда иссякает дорога,
взгляд прощающий, слава Богу!
Так обычно бывает на свете.
Это наши любимые дети...

Сон

Мерцали звёзды. Пели нимфы.
Уснули музы, сбросив нимбы,
устав от власти и идей,
похожи стали на людей.

На миг, казалось, место пусто...
Властитель вечного искусства
не спал ещё. На мой поклон
шагнул из тени Аполлон.

Хитон, венец — согласно чину.
Во сне я встретила мужчину,
он был прекрасен и могуч,
Кастальский охраняя ключ.

Вот где настраивались строки,
тая незримые истоки,
и, разливаясь в тишине,
звучали музыкой во мне.

О, не иссякни, вдохновенье,
не оборвись любви струна!
Парнаса лёгкое свечение
в проёме явственного сна...

Если б знать...

Если б знать,
что любовь — наважденье,
что её кратковременный взлёт,
не избавит тебя от паденья —
всею тяжестью тела об лёд.

Если б знать, что бессонные ночи —
только сладостный самообман,
и реальность мираж опорочит,
ослепляющий сдёрнув туман.

Если б знать, что иссякнут желанья,
прекословь или не прекословь,
и в обидах увязнут свиданья...
Я бы вновь предпочла бы любовь.

Пусть заглянет ко мне, вдохновляя,
даже если недолог постой...
Яркой радугой жизнь обрамляя,
навсегда остаётся мечтой.
Если б знать...

Молитва

Ты знаешь всё, великий Боже,
Тебе лишь стоит захотеть —
имущий нищему поможет
и онемевший будет петь.

Всех просьб, горячих и обильных,
не перечеть, не сосчитать,
как всех убогих и бессильных,
просящих хлеб и благодать.

Мне неизвестно, чьи молитвы
скорей услышатся Тобой.
Наш мир извечно — поле битвы
добра со злом, надежд с судьбой.

И я опять к Тебе взываю,
молю из толщи мрачных дней

чтоб, никого не забывая,
Ты тех спасал, кому больней.

ИЗ КНИГИ «УГОЛ ОТРАЖЕНИЯ»

*Нас время может и спасти перед угрозой краха,
унять, возвысить, одарить или толкнуть на плаху.
И, как на шахматной доске, подвинуть сильных мира,
но сохранить в своём песке лишь алтари и лиры.*

В бокале тонком — красное вино
мелодией разбавлено старинной.
И сердце вновь волнуется призывно:
любовью переполнено оно.

Я кланяюсь тебе, моя работа,
мой крест, мой якорь,
мой несмелый дар.

Ты — синтез тайной радости и пота,
сердечный изнуряющий пожар.

Прозрачный вечер нежен и приятен,
душа готова верить и любить...
И все сомненья можно растопить,
свеча роняет блики лёгких пятен.

Бессонницы жестокой покаянья,
смятение за прошлые грехи,
охрипший вопль

мятежного сознания —
работа, создающая стихи.

Я неземное чувствую тепло,
летающее с небесного фарфора.
Неужто Ангел мой отпрянет скоро
и отведёт прекрасное крыло?

Они вначале еле уловимы,
не сразу набирает силу слог,
чтобы представить жизни пантомиму
и предсказать трагедии итог.

Минуты свадьбы
времени с пространством
хрустального звучания полны.
И мы с тобою снова влюблены
с таким необъяснимым
постоянством.

Зачем поэты всё-таки приходят?
Их души — музыкальный инструмент,
что музыку небесную подводит
под рифмы заземляющий момент.

А лунный свет струится серебристый,
и в нём незримо соединены
мотив любви, чарующий и чистый,
и все мои предчувствия, и сны...

Поэты видят судьбы и проблемы
не опасаясь ран от острия,
но выпадают из известной схемы
нормального течения бытия.

Старинный сад

Старинный сад, заросший пруд
и синий бархат небосклона.
Меня здесь почему-то ждут
у беломраморной колонны.

В разгаре бал. Просторный зал,
объятый музыкой Шопена.
Луны мерцающий опал
плывёт в сиреневую пену...

В сиянье стоязычных свеч
лишь вашим взглядам я внимаю
и глаз восторженную речь
с недоумением понимаю.

Мои движения легки,
я не скрываю оживленья.
Раскручивает вальс шаги
до безоглядного круженья.

О, наваждение весны!
Упругий шёлк и звон браслетов...
Бывают явственными сны,
но неизвестно, сны ли это.

Остановитесь, не бросайте камень!
Ведь сгусток ярости не скоро канет...
Я чувствую его удар глухой
своей незащищённой головой.

Обломок тверди,
иногда смертельный,
подвластен лишь
законам Проведенья
и, опровергнув силы притяженья,
неведомо куда он упадёт,
кому и где предъявлен будет счёт...

Достаточно восстаний,
войн, погромов,
по судьбам разлетевшихся разломов.
Прославлена была во все века
не бьющая — дающая рука!
Ведь нет на самом деле инородства,
бессмысленна гордыня первородства.
Лишь камень брошенный —
есть воплощённый грех...
А Бог один. Для каждого и всех.

Мы, наконец, дожили до весны.
Без ропота седые глыбы тают,
и развенчали догмы тишины
заливисто звенящие трамваи.

Мы, наконец, дожили до весны!
Москва с восторгом сбрасывает шубы,
а солнце проникает в наши сны
и будит поцелуем тёплым в губы.

Луч просочится сквозь любой заслон,
не замечая тяжесть занавесок,
и, исцеляя, воскрешает он
томленье сердца и дрожанье веток.

Мы, наконец, дожили до весны,
прочь горести, болезни и сомненья.
Сегодня все они обречены
исчезнуть в равноденствии весеннем.

Как ловят жемчуг в водной бездне,
как жаждет гриб найти
грибник,
как ищет в памяти облезлой

любви отметины старик;
как тщится разгадать астролог
звезды всезнающей совет,
так бытия земного полож
стремится приоткрыть поэт.
За эти краткие мгновенья
готов он клад любой отдать,
чтоб слов Божественных паренье
в стихи заветные вобрать.
Найти невидимые связи
людей, событий и теней,
их обозначив чёткой вязью
хотя бы на излёте дней.
Коснуться истинных значений —
вне изошрённости ума...
Лишь красота определений
поэта выберет сама.

Тюльпан

Как жизнь коротка
у тюльпана-цветка
в малиновом облаке страстном!
Он вырос вдали, на ладонях земли,
увял в хрустале звонкогласном.

Минуты в тепле на нарядном столе,
где вдруг кулачки разожмутся,
в них солнца огни и весенние дни
восточной чалмой встрепенутся.

Но, выбросив в стороны
пять лепестков,
конвульсия — знак угасанья,
тюльпан осыпает свой нежный покров,
бессильно приняв увяданье.

Не стоит жалеть и печально смотреть:
тюльпаны являются миру —

взорвать пустоту и, отдав красоту,
печалью озвучивать лиру.

О, сколько ж ночей-палачей
моих не щадили очей,
казнили за страх и любовь
и били безжалостно в кровь.

И вот я одна в пустоте,
распятая на кресте,
ретивое сердце устало,
лишь тихая гордость спасала.

Уйми крик, молчаньем размытый,
смирись, если крылья прибиты,
расстанься с былыми мечтами,
грехи обернутся стихами.

Мне только б глоток тишины...
Поэту страданья нужны.
Познавший объятья креста —
почувствовал муки Христа.

Не забыть и не забыться...
Поспешая в никуда,
сумасшедшей вереницей
дни сливаются в года.

Кружат стаями недели:
не угнаться, не успеть.
Жизнь покруче карусели
раскрутила круговерть.

Лишь мелькают за оконцем
(в Лету брошенный пятак)

вздохи ночи, вспышки солнца,
предваряющие мрак.

Не спастись и не укрыться,
всюду в профиль и анфас
перекошенные лица
В центрифуге лживых фраз.

Постоянное вращенье
перетёрло в жерновах
зёрна многих опущений,
на глаза надвинув страх.

Ещё раз о времени

Уйми свой бег, остановись
хотя бы на минуту!
Мне время щупальцами лет
напоминает спирта,
всегда готово раздавить нас
в первозданной бездне,
на «до» и «после» разделить,
как сотня острых лезвий.

И Вавилон, и Карфаген
прожорливое время

мгновенно обратило в тлен,
ткнув в каменное темя.
Перемешав в своей горсти
народ и пепелище,
стремилось тут же прорасти
на вечном корневище.

Оно, запретам вопреки,
творит себе кумиров,
перекроив материки
известной карты мира.
Беспечно растянув года
в размер тысячелетья,
подстёгивает иногда
неукротимой плетью.

Нас время может и спасти
перед угрозой краха,
унять, возвысить,
одарить или толкнуть на
плаху...

И, как на шахматной доске,
подвинуть сильных мира,
но сохранить в своём песке
лишь алтари и лиры.

ИЗ КНИГИ «СОКРОВЕННОЕ»

(ранние стихотворения)

*Судьба, прости меня за глупые мечтанья,
за время, что ушло в прожорливый туман,
за яд, за боль, за соль, за мнимые страданья,
за слабость, и за страх, и за самообман.*

Вот и кончилась добрая сказка,
прочь надежд обступивших рой!
Перечёркнуты чёрною краской
Зámки осени золотой.

Потемнели опавшие листья,
не шуршат об асфальт в тиши,
это ключья разорванных писем
и частицы моей души.
Недосказанными словами
моросят за окном дожди.
Жёлтым призраком расставанья
осень мечется впереди.

Вот и кончилась добрая сказка,
прочь надежд обступивших рой!
Перечёркнуты чёрною краской
Зámки осени золотой...

У витрин

Гордо, в розовом свете витринном,
поражая и радуя глаз,
сотни туфель стоят в магазинах
у зеркал и стекол напоказ.

Остроносые, голубые,
восхищающие белизной,
чудо замшевые, золотые —
всюду туфли блестящей стеной!

Я иду вдоль прозрачной витрины,
но случайно, взглядевшись в толпу,
замечаю я женщину в синем,
также втянутую в суету.

Как она напряжённо стояла,
и в глазах было столько тоски...
У нарядных витрин продавала
свои стоптанные башмаки.

Пряча взгляд и стесняясь прохожих,
боль свою пред собою держа...
Сколько их, в безысходности схожих?
Нищету не приемлет душа...

А вокруг на высоких прилавках
в фиолетовом ярком огне —
изумрудные туфельки с лаком
на гранёном шальном каблуке...

Новый год

Не порадовал белоснежностью,
Новый год пришёл сквозь дожди.
И вздохнул в лицо неизбежностью,
что не всё уже впереди.

А за окнами — звёзды пьяные,
долгожданное торжество...
Исцели меня, не обманывай,
новогоднее волшебство!

Не заманивай безмятежностью,
дай беду испытать до конца...
Тайной горечью, светлой нежностью
наполняя людские сердца.

А за окнами — звёзды пьяные,
долгожданное торжество...
Исцели меня, не обманывай,
новогоднее волшебство!

Я сожму в руке ветку хвойную,
чтоб почувствовать пряный сок.
Будем радостней и достойнее:
мир выходит на новый виток.

Романс

Не обольщайтесь, сударь, бросьте,
вам не дано меня сломить...
Как листья сбрасывает осень,
я сброшу грусть и буду жить.

Заполнив будни до предела,
свободу снова обрету,
чтоб даже искорка не тлела...
Усталость гонит суету.

О, ваша лёгкая походка...
Ручей речей не смоет ложь...
Опасна краденая лодка,
до счастья в ней не доплывёшь...

Всем воздаётся по заслугам,
придётся нам своё испытать.
Мы так измучили друг друга:
ни врозь, ни вместе, стало быть.

Дождь

Сегодня дождь гримасничает в окнах,
сырой волною бродит в темноте.
Мне кажется, что мир уж
не просохнет,
и даже звёзды плавают в воде.

Не верится, что туч усталых стадо
разгонит снова ветер-сирота,
и, кроме солнца, ничего не надо,
и всюду только холод и вода.

Как будто снег, растаявший и жидкий,
царапает ступени, лезет в дверь,
и все вокруг, промокшие до нитки,
о тёплом крове думают теперь.

И я бегу согреться и обсохнуть,
от непогоды спрятаться в уют.
Упрямый дождь облизывает окна,
и капли стёкла сонные клюют.

Юная осень

Подкрашены хною волосы,
не девушка — сорванец,
с капризную ноткою в голосе
пропела, что лету конец.

Она ведь совсем не красавица,
с весной её не равнять,
но что-то в ней очень нравится:
задор или рыжая прядь.

То с зонтиком вдруг закружится,
появится вновь в окне,
стоит и любитесь лужицей
в сияющей желтизне.

А листья, как бабочки сонные,
слетаются к ней опять.
И смотрят ей вслед влюблённые,
в её золотую прядь.

Бежит и не смотрит под ноги
по улицам и садам...
И мир становился огненным —
подобно её волосам.

В ожидании дочки

И лихорадкою опять жара
струится влагой по лицу с утра.
И чья-то жизнь весь день
кипит вокруг меня,
и чья-то жизнь внутри меня,
а я — броня.
Как непонятен светлый миг —
миг бытия,
где утверждением звучит
и «быть» и «я»,

и, в раздвоении себя превосходя,
как Божий Промысел, как крик,
я жду дитя...

И снова осень
чуть уставшим взглядом
Едва коснулась рыжины берёз,
и в золотой кудели листопада
всё тот же быстротечности вопрос.

Последнее тепло, подарок рая,
лёт солнце на затихшие поля.
Безумствует, поёт и догорает
прекрасная и грешная земля.

Старый дом

Дом стал как будто ниже ростом,
ссутился и в землю врос,
его величество уродство
гранитный надломило торс.

Да, этот дом я помню с детства:
и первый шаг, и звонкий смех,
и всех, деливших по соседству
восторг ребяческих утех.

Подъезд, унылый и просторный,
здесь эха отражённый звук
казался мне тысячегорлым,
шагов усиливая стук.

Но двор знакомый словно сжался,
свёл горло горечи комок.
В огромном мире затерялся
забытый детства островок.

Моя планета с каруселью,
почти совсем исчезла ты.
Какой безжалостной метелью
с земли стираются следы?
Лишь пахло сыростью и тленом,
пожухлый лист
октябрь гнал...

Был храмом — показался пленом
судьбой очерченный овал.

Токи жизни

Токи жизни такие непрочные,
в нас всегда растворяется прошлое,
но незримое завтра рождается,
и поэтому — жизнь продолжается.

Дни мелькают, беснуются, кружатся,
но плетётся прекрасное кружево,
что прикроет и боль, и сомнение.
Дай нам веру, Господь, и терпение!

Если можно — любви,
только искренней,
одари нас волшебною искрой,
остальное трудами добудется
и, возможно, когда-нибудь сбудется.

Токи жизни такие непрочные...